

Нередко Форстеру удаётся охарактеризовать персонажей с помощью их языка, всего несколькими фразами. Например, во время обеда, при упоминании мисс Лэвиш, миссис Ханичерч выражает свое отношение к женщинам-писательницам: «Если книги должны быть написаны, пусть их пишут мужчины» [2, с. 156]. Одна фраза выражает понимание героиней места женщины в жизни и искусстве.

Таким образом, создание писателем целой сети аллюзий и ассоциаций, составляющих «метаструктуру» над текстом и порождающих ряд интерпретаций: символическое название романа с многозначным словом «вид», нетривиальная структура романа, в котором главная героиня вновь возвращается во Флоренцию, в которой впервые в жизни дала волю чувствам, символические сцены, которые автор описывает особенно подробно, и разнообразное использование символов (в особенности воды) является одной из самых ярких черт модернизма, и Эдвард Морган Форстер был, пожалуй, одним из первых английских авторов, инициировавших ее появление в литературе XX века.

Библиографический список

1. Norman, P. E. M. Forster / P. E. Norman. – London: Macmillan Press, 1987. – P. 31. – 133 p.
2. Форстер, Э. М. Комната с видом на Арио; Пер. В. А. Миловидова / Э. М. Форстер. – М.: ACT, 2015. – 287 с.
3. Sullivan, Z. Forster's Symbolism: A Room with a View, Fourth Chapter / Z. Sullivan // E. M. Forster, Critical Assessments. [ed. J. H. Stape]. Volume 3. The Modern Critical Response: Where Angels Fear to Tread to Maurice. – Cornwall, Bodmin: MPG Books Ltd., 1998. – 455 p.
4. Уитмен У. Листья травы. М.: ACT, 2023. – 416 с.

Ларина Мария Валерьевна

канд. филол. наук, доцент (Российский университет дружбы народов, г. Москва;
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского,
г. Санкт-Петербург, Россия)
m_larina@yahoo.com

РОМАН ВЗРОСЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ПРОЗЕ

Современный немецкий Bildungsroman, сохрания классические элементы жанра, тяготеет к усилению психологизма, принципу «рассказ в рассказе», типу нарратора-подростка, теме травмы.

Ключевые слова: *Bildungsroman; современная немецкая проза; роман инициации.*

«Роман взросления» (нем. *Bildungsroman*) зародился в немецкой литературе Просвещения. В «Письмах об эстетическом воспитании человека» Ф. Шиллер, вторая идея Ж.-Ж. Руссо, постулирует самобытность психики ребенка, с его нуждами и потенциалом, который взрослые обязаны развивать в определенном направлении. Идеалистические изыскания Шиллера были дополнены И. В. Гете, говорившем о необходимости не только стремления к всестороннему развитию личности, но и практического овладения жизненными навыками и профессией с целью служения обществу [1, с. 2–3]. Само понятие *Bildungsroman* было впервые описано К. Моргенштерном в 1820-х гг. и популяризирован В. Дитлеем только в конце XIX века [2, с. 7]. Необходимо отметить, что немецкий термин *Bildungsroman*, используемый также в англоязычном литературоведении, традиционно переводится на русский язык и как «роман воспитания», и как «роман взросления». В современных отечественных классификациях строгое разграничение

этих понятий не наблюдается, поэтому мы будем использовать термины «роман взросления» и «роман воспитания» как синонимичные и взаимозаменяемые.

Жанровая специфика диктует необходимые содержательные элементы:

- Это «повествование о характере»: как правило, *Bildungsroman* имеет одного центрального героя, чем отличается от близких романных форм (*Raumroman*, *Zeitroman*, *Gesellschaftsroman*, *Abenteuerroman* и др.).

- Это «роман о развитии»: главный герой – полноценный, психологически глубокий характер, который постепенно развивается и изменяется. Преобразование может начинаться в детстве, но в центре повествования – подростковый период и юность героя.

- В *Bildungsroman* развитие героя – не процесс социальной или биологической детерминации, но процесс «становления» (*Bildung*). Поэтому такой роман не разрывно связан с идеей индивидуальности и осознанием того, что особенности современного общества могут угрожать развитию гармоничной личности. Отсюда – основной конфликт между индивидуальностью героя и общественными ожиданиями.

- Все содержательные компоненты «романа воспитания» служат задаче выражения авторской концепции возможного и идеального процесса формирования личности [3, с. 266–267].

В качестве первого «представителя жанра» традиционно называют «Агатон» («Geschichte des Agathon», 1766, 1767) К. М. Виланда [2, с. 38; 3, с. 264]. Говоря о генезисе *Bildungsroman*, М. Энгель выделяет знаковые тексты немецкоязычной прозы разных исторических периодов: «Годы учения Вильгельма Мейстера» («Wilhelm Meisters Lehrjahre», 1795–1796) И. В. Гете, «Бабье лето» («Der Nachsommer», 1857) А. Штифтера, «Зеленый Генрих» («Der grüne Heinrich», 1879–1880) Г. Келлера, «Волшебная гора» («Der Zauberberg», 1924) Т. Манна и «Игра в биссер» («Das Glasperlenspiel», 1943) Г. Гессе. Жанр продолжает развиваться и во второй половине XX века, однако, как мы увидим далее, влияние национальной литературной традиции постепенно ослабевает, уступая место диалогу с американской литературой.

Рассуждая о непреходящей актуальности «романа воспитания» в немецкой прозе, М. Суэллс отмечает, что именно этот жанр вдохновлял на творчество разные поколения писателей, выступая в качестве «жизненно важного художественного средства освоения действительности, с помощью которого немецкий ум мог исследовать и определять себя во всех меняющихся исторических контекстах» [2, с.7]. Данное положение вполне коррелирует с общеевропейскими литературными тенденциями. Еще М. М. Бахтин отводил «роману воспитания» особую роль в процессе становления реалистического романа как синтетической формы литературного искусства [4, с. 198].

В попытке систематизации «романов воспитания» исследователь проводит четкую грань между произведениями, где герой как бы «встраивается» в существующий неподвижный мир – «характернейшее явление немецкого Просвещения», и романами, в которых становление человека происходит вместе со становлением мира, когда герой находится уже не внутри эпохи, а на рубеже, что вынуждает его эволюционировать в новый, неизвестный ранее тип [4, с. 202]. Ситуация крайней нестабильности порождает специфический круг проблем: действительности и возможностей человека, свободы и необходимости, творческой инициативы. На наш взгляд, именно этот тип *Bildungsroman* продолжает

жить и развиваться в немецкоязычной прозе во второй половине XX века. Однако он претерпевает существенные жанровые трансформации: его структура меняется, появляются смешанные формы, усложняется герой.

Война и разделение Германии сказались, в том числе, и на веяниях в искусстве слова. На сцену выходят антигерои «трикстерской парадигмы»: нереализованные блудные дети эпохи. Произошедшая в 1950–1960-е гг. эта перемена породила ряд «романов анти-взросления», где становление героя обречено на провал. Так в романе Г. Белля «Глазами клоуна» («Ansichten eines Clowns», 1963) Ганс Шнир – уже не «подросток», но «лишний человек»: всем чужой, нищий, отщепенец общества состоятельных буржуа, так и не научившийся «жить как все». Если творчество Г. Белля еще остается в рамках реалистического метода, то в ряде других произведений под влиянием постмодернистских тенденций герои зачастую обладают фантастической, инфернальной природой: отказавшийся взросльть и обладающий разрушительной силой Оскар из романа «Жестяной барабан» («Die Blechtrommel», 1959) Г. Грасса или адское порождение «пансиона мадам Гайар» – Жан Батист Гренуй из «Парфюмера» («Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders», 1985) П. Зюскинда. На этом фоне можно наблюдать отказ от традиционной для «романа взросления» линейной структуры повествования и некоего «положительного финала», утверждающего авторскую концепцию процесса формирования личности. Авторы отказываются от поэтапного изображения формирования характера в пользу запечатления значимых событий, своеобразных цезур в судьбе молодого героя. В связи с этим возникает необходимость обозначить современную инвариантную модель «романа взросления» – «роман инициации»²¹.

Переход к новой жанровой модели напрямую связан с требованиями новой эпохи. В 1990-е гг. традиционно «сложная» немецкая литература разворачивается к читателю: развивается массовая литература и «поп»-роман, происходит упрощение литературных форм, на смену объемным романам приходят небольшие произведения. Период конца XX-го – начала XXI-го века приносит новые социальные вызовы: глобализация, цифровизация, миграция, экологический и финансовый кризисы. На этом фоне можно наблюдать актуализацию «романа взросления», традиционно откликающегося на проблемы неустойчивой современности, когда прежние социальные, экономические, политические и идеологические устои разрушаются.

Цель доклада: показать эволюцию «романа взросления» и его инварианта – «романа инициации» в каждом десятилетии XXI века на материалах трех ключевых романов. Это предполагает решение таких задач как выявление классических черт «романа взросления», сохраняющихся сквозь время, и характеристика новаций, продиктованных реалиями современности.

В качестве **объекта исследования** выбраны романы: «Der Vogel ist eine Rabe» (2003) Б. Леберта, «Tschick» (2011) В. Херрндорфа и «Hund, Wolf, Schakal» (2022) Б. К. Хани.

Методология исследования определяется поставленными задачами: компаративный анализ тематического и проблематического ядра и художественных особенностей каждого текста; жанровый анализ; интерпретация через обращение к социокультурному контексту.

²¹ См. Шалимова Н. С. Роман инициации как инвариантная форма романа воспитания // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2014. №4 (30). С. 265–268.

Результаты исследования. Современный немецкий *Bildungsroman* сохраняет ряд классических элементов жанра. Среди них – мотив пути героя как символ личностного роста и традиционная трансформация самовосприятия героя: от эгоцентризма к осознанию своей ответственности перед собой, близкими и обществом в целом. Кроме того, авторы XXI века обращаются к характерным для жанра образам: родителей, социальных институтов (школа, университет, тюрьма). Также не чужд «роману инициации» образ «наставника», которым, как правило, выступает старший товарищ героя.

Однако уже в начале 2000-х гг. ярко проявляются временные особенности *Bildungsroman*. Так роману «Der Vogel ist eine Rabe» Б. Леберта свойственен глубокий психологизм, который усиливается за счет специфической композиции (беседа в поезде, «рассказ в рассказе») и особенностей наррации (нarrатор и главный герой-рассказчик – оба подростки). Повествование сфокусировано на травмах, поднимается тема психического здоровья. Рассказ героя, неровный и эмоционально насыщенный, прерывается размышлениями нарратора и его комментариями «вслух», в адрес рассказчика. Именно звучание двух голосов в тексте позволяет охарактеризовать героя и его поступки с двух точек зрения: «изнутри» и «снаружи». Напряжения добавляет заданная автором интрига, которая не раскрывается вплоть до финала романа: и нарратор, и читатель держатся в неведении относительно того, что же произошло с рассказчиком, какое событие послужило в его судьбе своеобразным «акме», после которого пути назад уже не было. Подчеркнутая, почти раблезианская телесность текста оттеняет душевные терзания героя, его откровенность порой шокирует. В этом плане Б. Леберт продолжает тенденции, заданные немецкой литературой 1990-х гг., с ее установкой на «шок», «новую искренность» и трагический жест. Автор претендует на синтез жанров, придавая своему произведению форму дорожного романа с детективной загадкой. Важным аспектом формирования романного мира выступает образ города. Городская среда формирует героя, а гетеротопия урбанистического пространства резонирует с беспокойством человеческой души, совершающей нравственный выбор.

В 2010-е гг. *Bildungsroman* сфокусирован не столько на неразрешимых жизненных коллизиях, сколько на проблеме самоидентичности. В связи с этим особую роль играет характерный авторский пафос, «подростковый дух» текстов. В романе «Tschick» В. Херрндорфа (на русский язык название было переведено как «Гудбай, Берлин»), что, на наш взгляд кардинально смещает акцент с героя на собственно путешествие повествование развивается от истории про школьные проблемы героя до полноценного *trash-путешествия*. Наделяя образ дороги традиционной семантикой свободы и риска, автор осознанно отсылает к американской литературе: Гонзо-журналистике, произведениям Дж. Керруака, У. Берроуза, Ч. Буковски. При этом прослеживается явная связь и с немецкой *pop-литературой* предыдущих десятилетий, в частности, с романами Кр. Крахта «Faserland» и «1979». Херрндорф, продолжая начинания *pop-литераторов* 1990-х, создает текст, пронизанный современной массовой культурой. Писатель изображает пару героев, но модифицирует ее. В центре истории – «типичный» подросток, сталкивающийся с Другим – странным новым одноклассником, которым оказывается русский парень Андрей.

Проблема идентичности и связанный с ней образ *Другого* не потеряют актуальности и в 2020-е гг. Б. К. Хани выведет *Bildungsroman* на стык культур,

языков и религий. Его подростки – мигранты, бежавшие от ужасов Иранской революции в благополучную ФРГ. Как и в романе В. Херрндорфа ключевую роль в репрезентации героев играет образ Берлина. Б. К. Хани расширяет «городское пространство», вводя в повествование второй город – Тегеран. Оба мегаполиса представлены как сложные пространства, где действуют герои-трикстеры. История двух братьев в романе – одновременно предельно реалистическая, продолжающая мировую литературную традицию литературы о *маленьком человеке*, и мифологическая, отсылающая к персидскому фольклору. Несмотря на трагический пафос произведения, автору не чужда «философия надежды»: открытый финал, мотив «пути в завтра».

Таким образом, немецкий «роман взросления» в XXI веке сохраняет фундаментальные особенности жанра, однако под давлением современных реалий авторы расширяют круг тем, внедряют нетипичные нарративные стратегии. Каждое десятилетие вносит свой «оттенок» – от фокуса на внутреннем мире до глобальных социальных вопросов. Можно сказать, что динамика жанра отражает стремление немецкой прозы синтезировать классические традиции *Bildungsroman* с экзистенциальными запросами новых поколений читателей и альтернативными культурными дискурсами.

Библиографический список

1. Jeffers, T. L. Apprenticeships: The *Bildungsroman* from Goethe to Santayana / T. L. Jeffers. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – 257 p.
2. Swales, M. The German *Bildungsroman* from Wieland to Hesse / M. Swales. – Princeton: Princeton University Press, 1978. – 184 p.
3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
4. Engel, M. Variants of the Romantic «*Bildungsroman*» (With a Short Note on the «Artist Novel») / M. Engel // Romantic Prose Fiction (ed. by G. Gillespie, M. Engel, B. Dieterle). – Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2008. – P. 263–295.

Липчанская Ирина Владимировна

канд. филол. наук, доцент (Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия)
lipcha87@gmail.com

НОВЫЙ РЕАЛИЗМ ИЛИ НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ? ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РОМАНА Х. ЯНАГИХАРЫ «МАЛЕНЬКАЯ ЖИЗНЬ»

В статье рассматриваются жанровые особенности романа современной американской писательницы Ханни Янагихары «Маленькая жизнь» (2015) в контексте поэтики метамодернизма и предлагаемых ею концепций нового реализма и новой искренности.

Ключевые слова: Янагихара; реализм; новая искренность; «Маленькая жизнь», метамодернизм.

Наследуя традиции реализма в европейском романе 19–20 веков, роман Ханни Янагихары «Маленькая жизнь» имеет следующие соответствующие жанру характеристики: